КОММЕНТАРИЙ 8
НЕНИЯ 9
ОСТИ/ВОЗМОЖНОСТИ 10-11
ЗУМА 12

Писатель Геннадий Прашкевич представил свою новую книгу «Жюль Верн», вышедшую недавно в серии «ЖЗЛ»

Геннадий Прашкевич: Главное в человеке — любопытство!

Юрий ТАТАРЕНКО, специально для «Новой Сибири»

— Можно ли сказать, хотя бы на примере Жюля Верна, что большой талант и трудная судьба — это взаимосвязанные вещи?

— К сожалению, эта связь существует. Над каждым талантливым человеком непременно висит какой-нибудь дамоклов меч. И угадать, когда он на тебя обрушится, невозможно. У Жюля Верна были постоянные нелады с сыном, периодические ссоры с издателем, любимый племянник стрелял в него... Но все это не помешало ему написать не только несколько отличных романов, но и подлинный шедевр — «Таинственный остров», который я ставлю вровень с «Робинзоном Крузо». Жюля Верна активно читали и продолжают читать во всем мире: «Путешествие к центру Земли», «20 тысяч лье под водой», «Дети капитана Гранта»... А в прошлом году в Париже вышел диск песен Жюля Верна!

Но еще меня с детства мучил вопрос: почему же у Жюля Верна — рядом с великолепным «Капитаном Гаттерасом», до сих пор не потерявшим своего очарования, или с тем же «Таинственным островом» — появлялось множество текстов откровенно слабых? И только с возрастом понял: наши книги — наша судьба. Наши книги — ее отражение.

— Есть ли писатели, чья жизнь оказала серьезное влияние лично на вас?

— Могу назвать вам сразу несколько человек, которые, собственно, и сделали из меня то, чем я сегодня являюсь. Прежде всего это Иван Антонович Ефремов. Школьником я написал ему письмо, совершенно не надеясь получить ответ от знаменитого писателя. Но письмо от Ефремова пришло! Затем мы разговаривали с ним в Москве. И мне казалось, он задавал вопросы, как-то не соответствующие масштабу его личности. Помню, он спросил меня, например, чем там закончилась история в семье Карениных. А я ничтоже сумняшеся ответил: «Да все нормально. Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, все занялись делами!» Иван Антонович даже остановился от удивления, а после помолчав попросил, чтобы я, вернувшись домой, внимательно перечитал роман. Видимо, для Ефремова это был очень важный тест. Видимо, он решил, что если я чего-то не пойму, то со мной дальше дело иметь и не стоит. Но я понял. И после моего письма Ивану Антоновичу наша дружба длилась до самой смерти мастера.

Мне повезло быть знакомым и с Анной Андреевной Ахматовой. Когда у меня была трудная ситуация в жизни, она отправила в Новосибирск свою приятельницу, детскую писательницу Фриду Абрамовну Вигдорову, и та меня просто спасла. Как известно, в молодости у Ахматовой был роман с художником Модильяни, и про эти их отношения я написал роман «Египтянка и скорпион»....

Должен сказать, мне вообще везло на людей всю жизнь! С Аркадием Натановичем и Борисом Натановичем Стругацкими я дружил до последних их дней. Однажды я получил от Аркадия Натановича потрясающий совет. Когда в Новосибирске в 1983 году уничтожили тираж моего «Великого Краббена», а это ни много ни мало 30 000 экземпляров, я пребывал в жуткой депрессии. Печататься негде, надо искать что-то принципиально новое. И вот Аркадий Натанович посоветовал мне ни в коем случае не бороться за свою уничтоженную книгу (ее все равно не спасти, он знал это по собственному опыту), а писать новую! А пока ты пишешь, сказал он мне, один чиновник сопьется, другого выгонят, третий проворуется — а там, глядишь, и сам режим рухнет! Так и произошло. Пока я писал «Теорию прогресса», и чиновники спились, и Советский Союз распался... И выяснилось, что для моих публикаций зажегся зеленый свет...

— А ныне вы, известный поэт и прозаик, стали автором нескольких биографий. Как пришли к этому?

— Я много читаю с детства и еще ребенком периодически задумывался, какой из себя в жизни был тот или иной писатель. А вплотную изучением биографий творческих людей я занялся лет тридцать назад. Сначала я написал большую книгу «Самые знаменитые поэты России» — от Ломоносова до Бродского. Сразу после нее выпустил том «Самые знаменитые ученые России», начиная с того же Ломоносова и заканчивая Сахаровым. А десять лет назад опубликовал книгу «Красный сфинкс», в которой собраны краткие жизнеописания русских и советских писателей-фантастов.

В «ЖЗЛ» вышла книга «Братья Стругацкие», написанная в соавторстве с Дмитрием Володихиным, теперь вот — «Жюль Верн». А ранее я выпустил книгу об одном из моих самых любимых писателей — Герберте Уэллсе. Сейчас работаю над биографией Рэя Бредбери. Думаю сдать ее в октябре, если все будет нормально. А следующая книга, наверное, будет о Станиславе Леме. Люди, которых я перечислил, — великие писатели! Писать о них безумно интересно. Изучая другую жизнь, ты в чем-то соотносишь ее со своей.

СТРАНИЦА 9

ков, однако впоследствии Мольер заимствовал из нее два эпизода в «Плутнях Скапена». Самое знаменитое сочинение реального Сирано де Бержерака — опубликованная посмертно дилогия «Иной свет», состоящая из романов «Государства и империи Луны» и «Государства и империи Солнца», — писатель от первого лица описывает воображаемые путешествия на Луну и Солнце и уклад жизни тамошних аборигенов, верящих в чудеса и бессмертие души.

щающей, жертвенной любви. Зато сам Ростан посвятил множество любовных посланий своей жене Роземонде и был искренен в стихах. Искренность в любви ценилась им очень высоко, и он наделил этим качеством своего героя, доведя ситуацию до крайности. По сюжету Сирано де Бержерак влюблен в свою кузину Роксану, о чем она даже не подозревает. Предметом ее грез является великолепный внешне Кристиан, явно обделенный умом. Уверен-

что письма писал не он...

Главный режиссер музкомедии Александр Лебедев, осуществляющий постановку мюзикла, придумал оригинальный ход, решив, что герой предстанет перед зрителями не только в трех ипостасях — как поэт, актер (по его замыслу он еще и актер) и неустрашимый воин. Образ воплотят трое разных артистов. Недаром в программке имя Сирано разбито на Си, Ра и Но. Все роли репетируются в двух составах. Трех гас-

Среди действующих лиц — маска-лицемерие, маска-подлость, маска-глупость, маска-зависть и другие узнаваемые маски, символизирующие человеческие пороки, окружающие Сирано и Роксану. Разумеется, новый спектакль не обойдется без скрещенных шпаг: зрелищные фехтовальные бои ставит педагог по пластике, киноактер и каскадер Василий Лукьяненко, успешно сотрудничавший с театром «Старый дом», с режиссером Кшищ-

жан-простолюдинов эпохи де Бержерака. С ними работает хореограф Николай Андросов — бывший солист ансамбля Игоря Моисеева, лауреат международных конкурсов, худрук и главный балетмейстер московского коллектива «Русские сезоны». Декорационное и костюмное оформление впервые для новосибирской сцены выполнит Валентин Федоров — главный художник театра оперы и балета Чувашии, выпустивший более 60 спектаклей.

27 июня, а 28 июня начало премьерного спектакля перенесено на 21.00 час. Ночь в оперетте начнется с торжественной церемонии закрытия 54-го театрального сезона, подведения итогов, чествования лучших артистов и награждения акции «Подарок» для поклонников и знатоков театра музкомедии.

Ирина УЛЬЯНИНА, «Новая Сибирь»

Фото предоставлено пресс-службой театра музыкальной комедии

МАРШРУТ ГУРМАНА

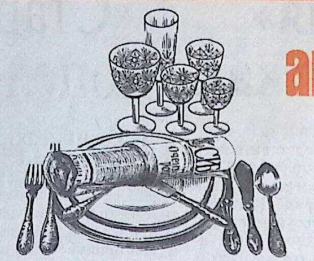
«ЭпиЦентр»: воспоминания за российским шашлыком о флорентийском стейке

Сергей БЕЛОУСОВ, «Новая Сибирь»

ВОЗМОЖНО, некоторые постоянные читатели данной рубрики задумываются иногда: а какими критериями руководствуется автор, выбирая очередной объект для «маршрута гурмана»? Грубо говоря, что он куда хочет, туда и идет? Грубо говоря — да! Но, конечно же, в рамках некоторых неписаных ограничений. Не так уж их и мало наберется, если сводить все концы с концами. Так, например, нельзя посещать одно и то же заведение чаще, чем раз в два года, разве что появляется информационный повод типа кулинарного фестиваля и т. п. Нельзя писать про фаст-фуд, это мелко, разве что про какой-то фаст-фуд особо оригинальный. Нельзя писать про забегаловки с убогим меню. Необходимо стараться «освещать» все новое и интересное, что открывается в городе, особенно в центральной его части... И главное — работать приходится, натурально, не щадя живота своего.

В этот раз в моем списке стояли три точки, расположенные рядом, близ метро «Студенческая». Первая — ресторан «Беладжо», бывший «Адмирал», о нем я писал когда-то, но давным-давно, еще в военно-морскую бытность заведения. Вторую же и третью я вытащил из обновленного ДубльГИСа и обставил отзывами на ФЛАМПе — бар «Альба» и кафе «ЭпиЦентр». Хотя отзывы эти, честно говоря, недорогого стоят и полагаться на них нельзя. Так, «Альба», тезка гойевской герцогини, обнаженной махом, на поверку оказалась вульгарным пивным баром-магазином, где только пиво и наливают, а на закуску кроме привычного сушеного рыбного ассортимента подают лишь яичницу и пельмени. Ну, ясно, вечный отлуп «Альбе» от «маршрута гурмана».

Отзывы об «ЭпиЦентре» все были восторженными. Подозрительно, конечно, но, может, все же дыма без огня не бывает? «...прихожу есть лагман! Он просто космический» — «...контингент нормальный. Кафе самое то!» «...с мужем заехали покушать, ооочень понравилась кухня (шашлык — божественный), также очень понравились манты!! персонал приветственный и доброжелательный!!! Всем советую!!!!» — «...честно говоря, я была в восторге, кухня там на все 100 процентов. Шашлык там нереально вкусный — это стоит попробовать!!! Что приятно шикировало, шашлык предлагают в сыром виде и тут же его готовят, выбор огромный!» Как литератор я, естественно, тут же оценил богатый термин «шикировало» (два в одном), а как голодный гурман все же занозился прочитанным и на рекламу, как дитя, повелся.



аперитивная информация
Газета «Новая Сибирь»

Подается в лучших барах, кафе, ресторанах

Сделав заказ, полистайте «Новую Сибирь», мы уверены: Вам захочется взять ее с собой.

Партнеры акции:

БАРИН International
ул. Ленина, 8,
телефон 221-51-06

UNO
CAFÉ PIZZA PASTA
ул. Октябрьская, 34,
телефон 223-05-77
www.uno.su

Вокзальная магистраль 1, телефон 220-1-220
BEERMAN & GRILL
BEERMAN & ПЕЛЬМЕНИ
ул.Каменская, 7, телефон 362-1-262

BEERMAN & БАР
ул.Каменская, 7, телефон 362-1-262
www.beerman.ru

кабаре кафе БРОДЯЧАЯ собака
ул. Каменская, 32, телефон 218-80-70

ресторан латиноамериканской кухни MEXICO
ул. Октябрьская, 49,
тел.: 210 34 20; www.mehico.ru

Capriccio
ул. Ленина, 10, телефон 229-58-60

Guevara
ул..Серебренниковская, 29,
телефон 222-09-69

ул. Бориса Богаткова, 208/1,
телефон 256-00-44
http://www.maonsk.ru

ул. Восход, 24,
телефон 266-65-64.

Ресторан Шелковый Путь
ул. Танковая, 72,
телефон 276-05-49
http://restoran.cf1.ru/silk-way

Потанинская, 10а,
телефон: 227-13-85

ул. Серебренниковская, 35,
телефон 222-14-71
www.domaktera54.ru

РЕСТОРАН ДОМ Актёра

Островский РЕСТОРАН
ул. М.Горького, 64,
телефон 223-39-81
www.ostrov-centr.ru

ул. Фрунзе, 14, телефон 224-48-00
www.restoranova.ru

Белое Облако ресторан
Красный проспект, 157/1
телефон 228-29-40
www.restoran.cf1.ru/white-sun

ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

ПОДЪЕЗДЪ №5
ул. Советская, 20,
телефон 223-16-63

сеть кофеен Chocolatte
Красный проспект, 63,
телефон 299-18-03

ул. Ленина,1,
телефон 299-18-02

В этих заведениях газета «Новая Сибирь» — на стендах для прессы:

Бар «Уголок Святого Патрика», ул. Ленина, 8, телефоны: 222-44-77, 222-22-96

«Тинькофф», ул. Ленина, 29, телефон 222-27-03.

«Чемпивон», Красный проспект, 67, телефон 212-54-36

Пивной ресторан «Kellers» ул. Шевченко, 31 а, телефон 362-10-13

Школьником я написал ему письмо, совершенно не надеясь получить ответ от знаменитого писателя. Но письмо от Ефремова пришло! Затем мы разговаривали с ним в Москве. И мне казалось, он задавал вопросы, как-то не соответствующие масштабу его личности. Помню, он спросил меня, например, чем там закончилась история в семье Карениных. А я ничтоже сумняшеся ответил: «Да все нормально. Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, все занялись делами!» Иван Антонович даже остановился от удивления, а после помолчав попросил, чтобы я, вернувшись домой, внимательно перечитал роман. Видимо, для Ефремова это был очень важный тест. Видимо, он решил, что если я чего-то не пойму, то со мной дальше дело иметь и не стоит. Но я понял. И после моего письма Ивану Антоновичу наша дружба длилась до самой смерти мастера.

Мне повезло быть знакомым и с Анной Андреевной Ахматовой. Когда у меня была трудная ситуация в жизни, она отправила в Новоси-

цать назад. Сначала я написал большую книгу «Самые знаменитые поэты России» — от Ломоносова до Бродского. Сразу после нее выпустил том «Самые знаменитые ученые России», начиная с того же Ломоносова и заканчивая Сахаровым. А десять лет назад опубликовал книгу «Красный сфинкс», в которой собраны краткие жизнеописания русских и советских писателей-фантастов.

В «ЖЗЛ» вышла книга «Братья Стругацкие», написанная в соавторстве с Дмитрием Володихиным, теперь вот — «Жюль Верн». А ранее я выпустил книгу об одном из моих самых любимых писателей — Герберте Уэллсе. Сейчас работаю над биографией Рэя Бредбери. Думаю сдать ее в октябре, если все будет нормально. А следующая книга, наверное, будет о Станиславе Леме. Люди, которых я перечислил, — великие писатели! Писать о них безумно интересно. Изучая другую жизнь, ты в чем-то соотносишь ее со своей.

СТРАНИЦА 9

ПО ЧУТЬ-ЧУТЬ

ПОКА драматические и музыкальные театры Новосибирска озвучивают планы на закрытие сезона, молодежный театр «Глобус» объявляет стартовое название следующего репертуарного года. Первой премьерой нового, 84-го театрального сезона в «Глобусе» станет «Крейцерова соната» по повести Льва Толстого. 4, 5, 19 и 29 сентября на малой сцене русскую классику интерпретирует главный режиссер театра Алексей Крикливый.

Повесть Льва Николаевича Толстого «Крейцерова соната» — редкий гость на театральных подмостках. С момента публикации в 1889 году ее окружает ореол скандальности и чрезмерной откровенности. Произведение было не только запрещено цензурой, но и вызвало острую полемику среди современников, которые, несмотря на все запреты и предостережения, увлеченно читали новое сочинение великого Льва. В «Крейцеровой сонате» театра «Глобус» тоже имеются свои пикантные обстоятельства, подогревающие интерес к постановке: ведь режиссер спектакля Алексей Крикливый, мягко говоря, нечасто обращается к классике и известен как талантливый интерпретатор современной драматургии и прозы (Агота Кристоф и Оля Мухина, Николай Коляда и Биляна Срблянович, Эрленд Лу и Павел Санаев).

Свой неожиданный выбор материала Алексей Крикливый объясняет так: «Это определенный выход из моей зоны комфорта. Я никогда не ставил классику. Но что-то случилось со мной. Щелкнуло на уровне темы. Все словарное обилие повести имеет под собой простую тему — утраты невинности. Вроде бы перед нами банальный анекдот — муж вернулся из командировки и застал жену с любовником, хотя там нет даже намека на измену. И в итоге он ее убивает. Две трети произведения, а оно делится на три части, мы вычислили этот принцип сонаты, он пытается подвести эту идеологию. Не человек виноват в том, что он такой, он уже родился с искореженной кармой. Мир, который его окружает, с самого рождения диктует ему определенные условия. Герой бунтует, конечно, против этого мира, он не хочет видеть его таким, но поиск этой чистоты и невинности заводит его в еще большее безумие» ...

Театр «Глобус» ждет зрителей на премьеру и приглашает поразмышлять на вечные вопросы, волнующие каждого человека: в какой мир мы изначально приходим? Существует ли путь к духовному спасению? Могут ли мужчина и женщина понять и услышать друг друга?

СТРАНИЦА 10

Писатель Геннадий Прашкевич представил свою новую книгу «Жюль Верн», вышедшую недавно в серии «ЖЗЛ»

Геннадий Прашкевич: Главное в человеке — любопытство!

СО СТРАНИЦЫ 7

— И что же нового вы узнали о Жюле Верне?

— У нас сложился такой, скажем, трафаретный образ. Известны биографии Жюля Верна, написанные Евгением Павловичем Брандисом, Кириллом Андреевым, в которых он выступал этаким бородатым романтиком, который не особенно много ездил по миру, а писал в своем кабинете, используя огромное количество книг, карт, отчетов путешественников. Многолетняя крепкая дружба с издателем, долгий счастливый брак — ну просто идеальная биография! И когда «Молодая гвардия» предложила мне написать о Жюле Верне, я даже засомневался: есть ли смысл повторять то, что уже так подробно исследовано? Для начала я перечитал три собрания сочинений Жюля Верна. Скажу вам без ложной скромности: это подвиг. Зато у меня легко вышел первый вариант биографии знаменитого фантаста — я написал ее за несколько месяцев. К сожалению, Жюль Верн у меня оставался по-прежнему этаким советским трудолюбивым романтиком. Я был готов уже отправить рукопись в издательство, но что-то меня в этом тексте не устраивало. И тут мне друзья из Франции присылают огромное количество документов о тайной жене Жюля Верна, о его внебрачной дочери, переписку писателя с издателями — все это нигде не публиковалось до 1972 года! И я понял, что без использования этих материалов выпускать книгу о Жюле Верне просто нельзя, иначе это был бы очередной томик про благонравного классика детской литературы. *И я — с упорством Жюля Верна — заново написал книгу!*

В книге «Жюль Верн» разрушаются сразу несколько мифов. Скажем, с издателем Этцелем у писателя были весьма непростые отношения. Первый роман Жюля Верна, «Пять недель на воздушном шаре», был отвергнут издателем, и писатель вынужден был искать другого издателя. Почему Этцель не принял роман?

— Этцель был человеком своего времени. Он был издателем, который ориентировался на вкусы своих читателей. Ему нужен был роман, который бы продавался. Он не был готов рисковать. Поэтому он и отказался от романа, который, по сути, открывал новую эпоху в литературе. Но Жюль Верн был настойчивым человеком, он не сдался, и в конце концов Этцель все-таки принял его роман.

— Как вы считаете, почему Жюль Верн стал таким популярным писателем?

— Он был очень разносторонним человеком. Он был и ученым, и поэтом, и драматургом, и либреттистом, и путешественником, и спортсменом, и политиком, и издателем. Он был очень многогранной личностью. Он был очень любопытным человеком. Любопытство — это, наверное, главное в человеке. Любопытство и доброта. Жюль Верн был очень добрым человеком. Он был очень любопытным человеком. Он был очень любопытным человеком. Он был очень любопытным

ку писателя с издателями — все это нигде не публиковалось до 1972 года! И я понял, что без использования этих материалов выпускать книгу о Жюле Верне просто нельзя, иначе это был бы очередной томик про благонравного классика детской литературы. *И я — с упорством Жюля Верна — заново написал книгу!*

В книге «Жюль Верн» разрушаются сразу несколько мифов. Скажем, с издателем Этцелем у писателя были весьма непростые отношения. Первый роман Жюля Верна, «Пять недель на воздушном шаре», отказались печатать 17 издателей, пока он не попал в руки Этцелю. Тот сразу понял, что на молодом авторе можно сделать хорошие деньги. И предложил Жюлю Верну договор: на протяжении 20 лет тот был обязан выдавать на-гора по три романа в год! И Жюль Верн подписал этот договор, хотя была опасность потерять его после второго романа «Париж в двадцать первом веке». Вот что писал Этцель, прочитав рукопись: «Дорогой Жюль, я, конечно, ожидал, что у вас ничего не получится. Но когда прочел ваш роман, то понял, что все обстоит гораздо хуже. Вашу первую книгу быстро раскупили, и вы решили, что стали известны и теперь можете говорить все обо всех. Но это не так...» Тут дело в том, что в своем романе Жюль Верн умудрился оскорбить всех живущих рядом с ним писателей, большинство которых были давними друзьями Этцеля! И молодому автору пришлось отказаться от публикации...

Еще один крупный скандал связан с романом «20 тысяч лье под водой», который Этцель также отказался печатать. В первом варианте книги капитан Немо был поляком и топил только русские корабли. Но Этцель не захотел ссориться с Россией, где на книги Жюля Верна был огромный спрос. В результате о том, что подводный мститель стал по национальности индусом, мы узнаем только в «Таинственном острове».

Теперь о личной жизни Жюля Верна. Он любил посещать художественные салоны и знакомиться с девушками, а на это нужны были деньги. На свадьбе одного своего друга в Амьене он встретил Онорину — молодую вдову с двумя детьми. Но уже через год после свадьбы Жюль Верн влюбился в некую мадам Дюшень. Они встречались тайком от своих законных супругов, Мари родила Жюлю Верну дочь. Но ситуация в семье скоро стала такой невыносимой, что возлюбленная Жюля Верна покончила с собой, бросившись в Сену. История имела свое продолжение — 20 лет спустя. Дочь написала «Старикам Хоттабычем» Лазаря Лагина. На заре советской власти группа писателей пыталась адаптировать под «новый момент» всю классическую литературу. Но когда Горькому показали советские версии «Острова сокровищ» и «Тиля Уленшпигеля», тот пришел в ужас и распорядился «немедленно прекратить это безобразие»!

Писатель есть писатель. Его следует не пересказывать, а заново переводить. Адаптировать к нынешним реалиям можно любой текст — но будет ли это правильно? Может, тот же Жюль Верн тем и хорош, что писал порой слишком подробно, затянуто? Он может на 20 страницах перечислять морских животных и рыб, которых мы никогда не видели, да и видеть-то не хотим! Но мы чувствуем прелесть этой мантры, она — индивидуальная особенность его письма!

— Нынче писатели пишут биографии писателей. Как вы оцениваете новоявленных биографов — Быкова, Варламова, Куняева, Прилепина?

— Я читал книгу Быкова о Пастернаке, она написана, конечно, толково. А вот Варламов... О, нет! О «советском графе» Алексее Толстом он пишет с плохо скрываемым презрением, а так нельзя. И Максим Чертанов также странно писал о Герберте Уэллсе... Твои представления — это твои представления, но зачем уверять огромное число мало знающих читателей в том, что ты — последняя инстанция в древнем споре? Алексей Толстой был потрясающим писателем, без его «Петра Первого» невозможно представить русскую литературу! А пронзительное «Детство Никиты»!.. Нет-нет, великие не бывают карликами... Есть чудесный пример личностного подхода к людям, меняющим нашу историю. Это рассказ Рэя Брэдбери, в котором он на машине времени отправляется в Лондон начала XX века, чтобы застрелить мальчишку Ади, из которого вырастет Гитлер. И вот он видит юного Адольфа и... не находит сил нажать на курок, ведь перед ним не Гитлер, а всего лишь мальчишка...

— Про кого писать легче: про наших современников братьев Стругацких — или про Жюля Верна, жившего в XIX веке?

— Самое главное — понимать время твоего героя, время, в котором он жил. Выражаясь современным языком, просто слушал певицу — он приобрел первый фонограф Эдисона и записывал гениальный голос своей возлюбленной. У него скопилась колоссальная фонотека, он готов предложить ее любому человеку: вот голос моей любимой, слушайте! А француз хотел только одного — поскорее затащить певицу в постель, сделать ее своей женой, украсть у мира гениальный голос. Так какую же любовь считать земной, а какую небесной?

Почему Жюль Верн писал так много? Не только потому, конечно, что был связан договором с Этцелем. Он просто был невероятно любопытствующим человеком. Я вообще считаю любопытство главной чертой homo sapiens. Благодаря ей люди смогли высадиться на Луне и опуститься на дно океана, придумать атомную бомбу и устроить сексуальную революцию. Жюль Верн прекрасно понимал: без развития науки жизнь невозможна. Его великая заслуга в том, что он повернул литературу на современные рельсы. Да, Жюль Верн не сыграл такой социальной роли, в которой преуспели, скажем, Герберт Уэллс или Станислав Лем, но его сто томов «Необыкновенных путешествий» повлияли на многие подрастающие поколения. Я встречал людей, которые говорили, что Жюль Верн сделал их инженерами, ученными, космонавтами. Разве это не великая миссия?

— Ваша книга о Жюле Верне написана с позиций «лирического мужчины». Писатели действительно формируют ближний круг?

— Не просто формирует — определяет! Нами дирижирует наше подсознание. «Шерше ля фам» — это не кредо сексуально озабоченных. Мы ищем свою вторую половинку всю жизнь — и в духовном, и биологическом значении. У Пржевальского, например, практически не было женщин, поэтому когда одно время в ходу была теория о том, что отцом Сталина мог быть Пржевальский, я улыбаюсь. Всегда и везде в центре мужского творчества стояла и стоит женщина. Она может быть на виду, как баронесса Будберг, жена Уэллса и Горького, — или находиться в тени мужа, как Онорина Верн, но представить великих без их (иногда очень маленьких) «половинок» невозможно.

— Как продвигается работа над биографией Брэдбери?

— О! Дошел до самого интересного места — когда его любимая Мэгги оставляет его! Почему? Биографы Рея не дают на это четкого ответа. Вообще, Брэдбери прожил уникальную — книжную — жизнь. При этом он был стопроцентным американцем. Чтобы понять это, достаточно прочесть его стихотворение «Америка». Я даже подумываю, не поставить ли его эпиграфом к книге...

Рэй Брэдбери — великий и глубокий писатель. Выбивался он в литературу из самых низов, начинал как бульварный писатель, сотрудничал с самыми дешевыми изданиями. Впоследствии это немало попортило ему крови, но он написал «Марсианские хроники» и «451 градус по «Фаренгейту»... Есть о чем рассказать, но об этом позже. Дождемся книги...

— Вопрос о любимых писателях. В одном из интервью к таковым вы причислили Бунина, А. Н. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Борхеса, Уэллса, Лема...

— И причислил бы и Пушкина, и Дефо, и еще многих. Любимым писателем не может быть только как порох и ракеты для китайцев.

Каждому из нас отпущено определенное временнОе пространство — в среднем 70 лет. И вот этот срок и есть наша персональная машина времени! Я побывал и в послевоенных годах, и во временах оттепели, и во временах перестройки. Эпоха Герберта Уэллса накладывается на эпоху моего отца. Нужно видеть мир, дружить с бомжами и дружить с министрами или враждовать — это не важно; важен событийный ряд. А интерпретация источников... Для меня в этих случаях главный авторитет — это я сам. И только в вопросах, выходящих за рамки моей машины времени, я вынужден верить внешним источникам.

— До биографий знаменитостей вы писали исторические романы...

— Я их и не оставлял. В конце прошлого года в издательстве «Паулсен» (Москва) вышел однотомник именно моих исторических романов — «Русская гиперборея». Возможно, это вообще лучшая моя книга. В романе «Секретный дьяк» охвачены события с выходом русских к Тихому океану во времена Петра Первого. А в «Носоруком» и в «Тайне полярного князя» — эпоха царствования Алексея Михайловича. К ним примыкает книга «Сендушные сказки». Мне было трудно писать эти романы (почти двадцать лет работы) — и в то же время легко (сам бывал на севере и востоке).

В начале 90-х роман «Носорукий» должен был выйти в издательстве «Армада». Но когда я увидел гранки, то отказался от публикации: роман был заверстан под одну обложку с обычной советской поделкой о белокурых патриотах, идущих «встречь солнцу». У окошечка любимой деревни ждет Аленушка, а смелые люди... И все такое прочее, как говорил классик.

А на самом деле кто такие были землепроходцы? Суровые и крайне прагматичные люди, они отыскивали новые места, где можно было брать пушного зверя. До конца XVIII века северной и восточной границы у России не было. Где казаки разжигали костры, то место и считалось границей России. Чукчи и якуты ожесточенно сопротивлялись захвату своих территорий. Отряд полковника Павлуцкого был вырезан полностью. И пока на север не завезли «огненную воду», дай вам бог ее читать! О наших краях у Жюля Верна было весьма приблизительное представление. Вот, например, он подробно описывает, как Строгов едет в санях и его догоняет стая волков штук в двести. Но наш смельчак из револьвера от них отстрелялся... Мюнхгаузен о таких вещах рассказывал более реалистично...

— Ваша книга о Жюле Верне написана с позиций «лирического мужчины». Писатели действительно формируют ближний круг?

— Не просто формирует — определяет! Нами дирижирует наше подсознание. «Шерше ля фам» — это не кредо сексуально озабоченных. Мы ищем свою вторую половинку всю жизнь — и в духовном, и биологическом значении. У Пржевальского, например, практически не было женщин, поэтому когда одно время в ходу была теория о том, что отцом Сталина мог быть Пржевальский, я улыбаюсь. Всегда и везде в центре мужского творчества стояла и стоит женщина. Она может быть на виду, как баронесса Будберг, жена Уэллса и Горького, — или находиться в тени мужа, как Онорина Верн, но представить великих без их (иногда

У Пржевальского, например, практически не было женщин, поэтому когда одно время в ходу была теория о том, что отцом Сталина мог быть Пржевальский, я улыбаюсь. Всегда и везде в центре мужского творчества стояла и стоит женщина

ев, Татьяна Сапрыкина или Юрий Татаренко...

— А не хотели бы вы написать биографии всех ваших любимцев?

— Пожалуй, не отказался бы написать книгу о Салтыкове-Щедрине. О нем писали, но, мне кажется, непозволительно мало... Или о В. Г. Богоразе-Тане... О Виване Итине... Но жизнь человеческая коротка, и надо успевать жить...

— В одном из интервью вы назвали себя гедонистом. Но получать удовольствие от жизни свойственно скорее зарубежным авторам...

— Это почему же? Откуда этот дурацкий миф о русском ничтожестве? Жрать водку и писать гениальные романы? Вот уж нет... Лев Толстой, несмотря на внутренние метания, не пропускал ни одной юбки. Чехов не отказывал себе в выпивке. Тургенев обожал парижские обеды, что не мешало ему писать «Записки охотника»... Никто не доказал, что мы рождены для страданий, — значит, нужно ЖИТЬ!

— В нашем Академгородке живут разные прозаики — Геннадий Прашкевич, Олег Постнов, Евгений Вишневский, Дмитрий Бирюков, а вот пишущих стихи — несравненно больше. С чем это связано — рифмовать проще?

— Я считаю, что поэзия — физиологическое понятие. Каждый человек рождается готовым поэтом, но к пяти годам поэзию из него выбивают. Затем приходит время любви, и практически в каждом человеке убитая поэзия реанимируется, но дальнейшее развитие событий вновь все ставит на свои места. Выживает самая малая часть упрямцев, а из них в поэзии остаются единицы... Поэзия — это наше шестое чувство, которое сама природа почему-то не посчитала нужным для выживания. Или мы не пожелали его сохранить. Оно как жабры — отмерли, а в океан тянет...

А прозаики — это жизненный опыт. И смелость сообщить миру о том, что есть только в тебе. Проза требует ежедневной работы. Предвосхищая ваш следующий вопрос, могу сказать, что для меня поэзия до сих пор — важнейшая составляющая жизни. Недавно вышла книга моих стихов «Масштаб»...

— Держу в руках любопытное издание — «Книгу о Прашкевиче». Это что же, предвестник тома «ЖЗЛ» «Геннадий Прашкевич»?

— Не будем загадывать (хитро улыбается). Но книга Александра Етоева и Владимира Ларионова вышла уже двумя изданиями. Я давно понял, что наша страна — самая удивительная в мире, любовь и ненависть в ней спонтанны. Мое дело — честно и упорно работать.

Юрий ТАТАРЕНКО,
специально
для «Новой Сибири»

Фото автора

ПО ЧУТЬ-ЧУТЬ

ТЕАТР Афанасьева и книжная лавка «Собачье сердце» представляют street-проект «Классики играют в классики». Организаторы уверяют, что Станиславский очень любил детей и всегда поздравлял их с Днем защиты собственно детей же. Вот и в этом году он решил собрать своих друзей-писателей и отметить этот прекрасный праздник традиционными русскими забавами: лаптой, прыжками в классики и резиночку, ловлей бабочек сачком, перетягиванием каната и другими интересными играми. Правда, 1 июня взрослым людям как-то негоже резвиться среди малышни, а вот 16 июня оказалось днем очень подходящим. Поэтому именно 16 июня в 13.00 в Первомайском сквере классики сыграют в классики со всеми желающими присоединиться. Лапта с Пушкиным? Перетягивание каната с Толстым? Стенка на стенку с великими писателями? Приходите и убедитесь сами. Кроме того, театр Афанасьева предлагает всем желающим принять участие в bookcrossing'е — принести прочитанные книги и обменяться с другими пришедшими на непрочитанные. И никакой коммерческой составляющей: только любовь к литературе и театру, возможность сделать уникальные фотографии с классиками и стать почетным участником июньского книговорота.

Собственно, именно отсутствие какой бы то ни было сверхзадачи и *не позволяет* дать однозначную оценку восьмой позиции «Сибири» в текущем рейтинге ФНЛ. Ведь, по большому счету, даже с тем насколько обновившимся, настолько и помолодевшим составом, что защищал бело-синие цвета в заключительной трети дивизионного розыгрыша, «орлы» были способны финишировать существенно выше. В частности, сохранить за собой пятое место, на котором они располагались перед уходом на «зимние каникулы». Так что апрельское напутствие мэра, пожелавшего землякам побороться-таки за участие в стыковых матчах с представителями Премьер-лиги, хотя и выглядело скорее актом моральной поддержки со стороны городских властей, при определенных условиях, тем не менее, вполне могло оказаться пророческим.

Иное дело, что для основных конкурентов сибиряков («Нефтехимика», «СКА-Энергии» и «Уфы») весенние противостояния имели, надо полагать, весьма немаловажное значение — каждый из них в итоге добился наивысших результатов в своей клубной истории. Да и «Балтика», изрядно подзабывшая вкус былых достижений, была явно не прочь вновь напомнить о себе. Словом, какие-никакие, а все-таки стимулы. В биографии же новосибирского футбола локальные споры за дислокацию в топ-пятерке второго эшелона с недавних пор являются уже пройденным

махов «бело-синим» на финише и недостало (сюда же есть смысл присовокупить и кубковой проигрыш «Томи» в послематчевой серии пенальти). К категории неиспользованных резервов также относится фактор родных стен, где чрезмерно гостеприимные на сей раз сибиряки недосчитались более половины возможных обретений...

Вместе с тем очевидно, что основной итог многострадального сезона, прошедшего для новосибирского футбола почти под олимпийским девизом («главное не победа, а участие»), содержится в работе на перспективу. Или, по меньшей мере, в начале такой работы. С этим связано и приглашение на пост рулевого Дариуша Кубицки, вернувшегося на берега Оби после годичного отсутствия. И если мнение, что под руководством польского специалиста «Сибирь» стала проповедовать более зрелищную манеру игры, еще нуждается в подтверждении, то один немаловажный аспект лежит на поверхности уже «здесь и сейчас». С «новым старым» наставником его нынешние подопечные явно пересмотрели свое отношение к дисциплине (единственное удаление против семи (!) при Сергее Юране, не считая красной карточки непосредственно импульсивному тренеру). Продолжение следует?

Андрей КОЗЛОВ,
специально
для «Новой Сибири»

МАРШРУТ ГУРМАНА

«ЭпиЦентр»: воспоминания за российским шашлыком о флорентийском стейке

СО СТРАНИЦЫ 7

В пластиковом модуле — стационарное кафе на шесть столиков, рядом летний павильон еще на полсотни мест. Возле павильона закуток шашлычника, там, на мангале, и творятся воспетые неизвестными доброхотами деликатесы

ПРИШЕЛ в «Эпицентр», это на улице Космической, 21, к. 1, работает кафе с 9 до 23 часов. В пластиковом модуле — стационарное кафе на шесть столиков, рядом летний павильон еще на полсотни мест. Возле павильона закуток шашлычника, там, на мангале, и творятся воспетые неизвестными доброхотами деликатесы. Честно говоря, интерьер кафе весьма позорноватый, точнее, вообще никакой. Заурядные столики со стульями, простенькие «столовские» скатерки. Большой плоский телеэкран на стене в этой обстановке кажется неуместно роскошным. Да, еще посуда неожиданно красивая: темно-синий, почти черный фаянс с золотом в среднеазиатском стиле. И подкупает застекленная витрина, где на холоде лежат красавцы-шашлыки нескольких видов — ткни пальцем в любой, и его тут же потащат на мангал.

Но выбор блюд сильно невелик. И, махнув рукой, пошел я в «Беладжо». Там обстановка вполне ресторанная, что называется, «комильфо», не придеришься. И меню длинное и обстоятельное с кавказским акцентом, и соблазнительный и недорогой бизнес-ланч... а только постоял я там, помаялся и вернулся в «Эпицентр». Почему? Отвечу честно: не только чтобы открыть для себя тайну тамошних шашлыков. В простых харчевнях для меня есть некая своя привлекательность, непонятная магия, их грубая чувственность забирает тебя в плен точно так же, как грубая чувственность женской красоты. Так вульгарную девку часто предпочитают изящной красавице с университетским образованием и знанием языков...

Короче говоря, блюда в «Эпицентре» вот какие. Вообще многое о меню узнаешь только в живой беседе. «Люба, есть картошка фри?!» — кричит официантка повариxе. Коренастая азиатка, откликающаяся на это имя, почему-то смеется и кричит в ответ (хотя друг от друга женщины в паре метров): «Нету сегодня фри, только отварной картошка!»... А на бумаге (и в реальности) есть еще солянка, мастава, шурпа и лагман, все по 100 рублей. Далее шашлыки. Филе говядины, 200 г, — 200 рублей. Свиная шейка, 230 г, — 170 рублей. Свиной антрекот, 500 г, — 300 рублей. Свиные ребрышки, 350 г, — 200 рублей. Филе баранины, 250 г, — 250 рублей. Филе индейки, 230 г, — 170 рублей. Люля-кебаб, 220 г, — 150 рублей. Печень по-царски (в сальной «шубе»), 200 г, — 150 рублей. Далее манты из говядины (25 рублей за штуку), плов (100 рублей) и говядина по-домашнему (120). Из напитков пиво по 70 («Три медведя») и 110 рублей («Амстел») за кружку, чай по 15, кофе и компот по 20.

Я заказал «космический» лагман (ясное дело), осмотрел сырые шашлыки, хотел взять баранину, но она показалась мне жирноватой, задумался о печени в шубе — не оказалось ее в наличии, и выбрал наудачу свиной антрекот как самый внушительный по размеру. И то он весил не полкило, как было заявлено, а меньше. Барменша, она же официантка, единственная прислуга за все, рассказала, что шашлыки, когда их сегодня комплектовали, вышли меньшего веса, поэтому и стоят меньше — не 300, а 230. Так что мой заказ, включая еще половину лепешки и две кружки «Трех медведей», потянул на 480 рублей.

Лагман подали огненно-горячим, и это, пожалуй, оказалось главным его достоинством. Нет, блюдо однозначно хорошее: и мяса немало, и овощей подбор щедрый, и даже черешкового сельдерея кусочки мне там встретились, но той особой «пронзительности», которая непременно присутствует в талантливом лагмане, тут не случилось. А самый вкусный лагман в Новосибирске я ел несколько лет назад на улице Каменской возле стадиона «Спартак» в дешевой кафешке (кажется, она называлась «У Михальча»?), которая долго не прожила и вскоре закрылась. Вот там коричневый от специй бульон обладал тем безумным вкусом и ароматом, которые хрен знает, как повторить...

Шашлык меня не то чтобы разочаровал, но слегка озадачил. Заявленный как антрекот он, строго говоря, таковым не был. Нечто среднее между просто свиными ребрышками и филе на ребрышках. По два ребра на кусок, а всего кусков четыре. Еще точнее: ребра, но мяса на них приличное количество. Хорошо промаринованно, мясо вкусное, мягкое, нежное, но чтобы «приятно шикировало» — такого нет. Поэтому стоны интернетовских юзеров не очень понятны. А вот размер порции впечатляет. Она (порция) даже отчасти напомнила мне хрустальную мечту мою — флорентийский стейк. Я его вожделел лет десять, пожалуй, с тех, как впервые услышал об этом легендарном куске нежнейшего мяса, который свешивается с тарелки по причине своей огромности. Потом мечта сбылась...

Город Флоренция (где, кстати, по данным ЮНЕСКО, сосредоточено 60 процентов сокровищ мирового искусства) относится к провинции Тоскана. И означенные стейки готовятся только из коров породы «кьянина», которых разводят в южной Тоскане, — это крупные мясные коровы, вскормленные непременно на тосканских лугах. Стейки эти относятся к категории «ти боун» стейков, представляющих собой кусок мяса на «т»-образной кости. Вес одного стейка — не менее килограмма, а чаще всего — 1,2–1,5 кг. Стоит он обычно 35–50 евро. В фильме Познера и Урганта о путешествии по Италии в одной из серий эти герои как раз и вкушают флорентийский стейк. Приезжают к знакомому ресторатору Познера, тот любовно демонстрирует свои запасы, а далее показывается конкретно будущий стейк — огромный мясной кусман, который в одиночку осилить совершенно нереально. Потом его, уже зажаренный и разрезанный, водружают на стол, сотрапезники потирают руки... и все! На этом сюжет заканчивается. А как же поедание с подробными комментариями? Разочарование сплошное...

Раньше я ездил в Италию как «организованный» турист, в составе тургруппы, и кормежка мне тогда не нравилась, а до флорентийского стейка дело и близко не доходило. Сам я вылезать куда-то в ресторан стеснялся: не зная языка, вникать в тонкости туземной гастрономии — дело довольно беснадежное. Но в эти майские каникулы мы с женой были в Италии в составе мобильной группы, с родственниками, с детьми, на двух машинах и со знанием четырех языков, кроме русского. По-итальянски, правда, объяснялся только зять (он в этой стране часто бывает по работе), зато вполне бойко. И вот в некоем ресторане под Флоренцией, известном благодаря путеводителю «Афиша», мы вожделенные стейки заказали. Там, кстати, интерьер безумно хорош, а в витрине-холодильнике разложено мясо по сортам, от стейков «кьянина» до молочных поросят...

И вот стейки, разрезанные на здоровенные порционные куски, поставили нам на стол, и я ухватил кусок себе на тарелку, отрезал, сколько поместилось в рот, и впился зубами... О ужас: стейк оказался как резина. Ну, не так, конечно, чтобы уж совсем, но жевался он с большим трудом и был практически сырым. Жена отказалась дальше есть с первой же пробы, я держался дольше, но тоже был страшно разочарован, как и почти все сотрапезники. И это при том, что говяжий стейк в ресторане я всегда заказываю с кровью, правда, не blue rare (то есть практически сырой), и даже не rare (почти сырой) а лишь medium rare, где «сырина» только внутри. Собственно, в России стейк с кровью так повара и понимают, как правило. Остатки стейков мы забрали с собой (*«take away» там абсолютно не стыдная просьба*), это была немалая гора мяса, и в отеле, где жили, слегка «дотянули» его на сковороде — вышло полное объедение.

> Я его вожделел лет десять, пожалуй, с тех, как впервые услышал об этом легендарном куске нежнейшего мяса, который свешивается с тарелки по причине своей огромности. Потом мечта сбылась...

Вот так. Причем официанты в Италии, когда пытаешься объяснить им нужную степень прожарки стейка (мы их потом еще раз в другом ресторане заказывали, чтобы окончательно убедиться), тебя как бы понимают, но все равно приносят мясо почти сырым. А «кьянина» — это не мраморная нежнейшая говядина, у нее нет жировых прожилок, да, мясо очень вкусное, но хорошо жуется оно, только если нормально прожарить... И в интернете потом я нашел отзывы разочарованных флорентийскими стейками соотечественников... В общем, прав поэт Александр Пименов: «Мечты сбываются, но столь карикатурно, что ты проходишь, будто с ними не знаком».

Сергей БЕЛОУСОВ,
«Новая Сибирь»
Фото автора